

Российская академия наук
Институт экономики

**Василий Викторович
Арсланов**

География, институты и истоки
глобального неравенства: критика
концепции экономического развития
Аджемоглу и Робинсона

Москва
Институт экономики
2016

Арсланов В.В. География, институты и истоки глобального неравенства: критика концепции экономического развития Аджемоглу и Робинсона (научный доклад). — М.: Институт экономики РАН, 2016. — 56 с.

ISBN 978-5-9940-0535-4

В докладе на основе сравнительно-исторического анализа рассматриваются основные положения теории экономического развития Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, подвергаются разбору их критика географического детерминизма и тезис о решающей роли институтов в экономическом развитии. При этом отмечаются погрешности в интерпретации исторических событий, приводимых авторами для подтверждения положительного влияния инклюзивных институтов на экономический рост, и игнорирование фактов, противоречащих данной концепции. Показано, что, противопоставляя страны с инклюзивными институтами странам с экстрактивными институтами и настаивая на приоритете институтов в экономическом развитии, Аджемоглу и Робинсон создают упрощенное представление об их развитии и недостаточно учитывают иные факторы роста.

Ключевые слова: институты, бедность, глобальное неравенство, дрейф институтов, поворотные моменты, политическая централизация, плюрализм, устойчивый рост, созидательное разрушение, географический детерминизм, колониализм.

Классификация JEL: B250, B520, F630, P510, O430, O440, O570.

Geography, institutions and the roots of global inequality: a critical appraisal of Acemoglu and Robinson's theory of economic development

The essay examines some of the key arguments of the influential theory of economic development proposed by Daron Acemoglu and James Robinson by checking their critique of environmental determinism and assessment of the role of institutions in economy against historical data. We show a systematic bias in their interpretation of various cases used to support the claim of a positive effect of inclusive institutions on economic growth, leading to a number of statements incompatible with current historical research. We conclude that by setting countries with inclusive institutions apart from those with extractive institutions and positing inclusive institutions as the single major cause of growth Acemoglu and Robinson understate the complexity of institutional dynamics and the contribution of other factors to economic development.

Keywords: institutions, poverty, global inequality, institutional drift, critical junctures, political centralization, pluralism, sustainable growth, creative destruction, geographic determinism, colonialism.

JEL Classification: B250, B520, F630, P510, O430, O440, O570.

© Арсланов В.В., 2016

© Институт экономики РАН, 2016

© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. «Естественные эксперименты» и экономическая история	4
Глава 2. Причины неустойчивого экономического роста	9
Глава 3. География и восприимчивость государств к инновациям	20
Глава 4. «Поворот фортуны»	26
Глава 5. «Дрейф институтов»	33
Глава 6. Как сменить формат развития?	45
Глава 7. Выводы	48
Литература	53

К какому бы роду человеческой деятельности ни обращалось исследование, искателей истоков подстерегает все то же заблуждение: смешение преемственной связи с объяснением.

Марк Блок

«Естественные эксперименты» и экономическая история

Какова роль естественной среды в экономическом развитии государств и регионов? Правомерно ли утверждать, что одни государства беднее других из-за различных природных условий? И если да, какие особенности географии следует считать благоприятными, а какие пагубными для экономического развития?

Эти вопросы в той или иной форме ставились задолго до возникновения политической науки как дисциплины, систематически изучающей, помимо прочего, причины богатства государств. В эпоху расцвета классической политической экономии (XVIII—XIX вв.), когда основные усилия экономистов были направлены на создание общей, т.е. применимой ко всем государствам, экономической теории, этим вопросам придавалось в лучшем случае второстепенное значение. Некоторый сдвиг внимания экономистов к экономической географии наметился во второй половине XX в., когда начал расти ее статус. Спустя 200 лет после промышленного переворота в Великобритании большая часть государств считается, по определению Международного валютного фонда, «развивающимися», а именно, не завершившими переход к индустриальной экономике. При этом во второй половине XX в., особенно после появления множества новых государств в процессе деколонизации, различия в темпах индустриализации национальных экономик стали

заметнее, чем в XIX в., когда она осуществлялась главным образом в Западной Европе и в относительно недавно ставших независимыми от Великобритании североамериканских поселениях. Провалы попыток стимулирования устойчивого экономического роста в ряде крайне бедных африканских государств, а также и во многих азиатских странах поставили под сомнение универсалистские концепции экономического развития, выдвинутые классиками политической экономии, и побудили экономистов акцентировать внимание на локальных особенностях «проблемных» стран и регионов, развитие которых не вписывается в традиционные представления о поступательном росте национального богатства вследствие их индустриализации и интеграции в мировую экономику. Основной проблемой является, по-видимому, то, что несмотря на очевидные (в XIX в.) преимущества индустриализации переход к полноценной индустриальной экономике в XX в. наталкивается во многих странах на серьезные барьеры, причины возникновения которых не всегда ясны. Тем не менее, многие профессиональные экономисты по-прежнему рассматривают географию и климатические условия как сравнительно малозначимые факторы экономического развития, а исследования в области экономической географии редко посвящены непосредственно причинам его неравномерности.

Всплеск интереса к роли географии в экономическом развитии отчасти связан с книгой американского биолога и географа Джаредда Даймонда «Guns, germs, and steel: The fates of human societies» («Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ»), опубликованной в 1997 г.¹ Даймонд, к тому времени уже получивший известность благодаря научно-популярным трудам об эволюции, посвятил свою книгу теме, традиционно считавшейся вотчиной историков и экономистов, — причинам различий в экономическом развитии стран и цивилизаций. Так как убедительного ответа на вопрос, почему передовые технологии появились только в Евразии, до сих пор нет, Даймонд призывает отказаться от изучения исключительно культурных и социально-политических факторов. По его мнению, для более полного понимания данной проблемы методы, используемые в гуманитарных и общественно-научных

1. Книга цитируется по изданию на русском языке (Даймонд, 2010а).

дисциплинах, необходимо скорректировать и дополнить с учетом достижений современного естествознания. Не учитывая накопленные знания об организмах и экосистемах, считает ученый, невозможно правильно понять важнейшие исторические события, такие как колонизация Америки европейцами. Коренные американцы уступили свою территорию не столько из-за превосходства их противников в вооружении, сколько из-за принесенных европейцами инфекций, к которым у местных жителей не было иммунитета. Хотя коренные американцы и европейцы являются представителями одного биологического вида, они на протяжении тысячелетий жили в разных экосистемах, и пространственная изоляция привела к изменениям в иммунной системе, имевшим для ряда популяций фатальный характер. Понимание подобных биологических различий человеческих обществ позволяет увидеть завоевание Америки как «естественную кульминацию» двух исторических траекторий, разница между которыми «была предопределена географическими особенностями континентов, а именно различиями в составе пригодных для одомашнивания растений и животных, в микробах, во времени заселения, в ориентации континентальных осей и, наконец, в существующих экологических барьерах» (Даймонд, 2010а. С. 50). Кроме микробов все перечисленные Даймондом факторы имеют непосредственные отношение к собственно хозяйственному развитию отдельных народов, но крайне редко учитываются историками и экономистами.

Дело в том, что, рассуждая о влиянии окружающей среды, экономисты, как правило, имеют в виду различия между обществами, населяющими один и тот же континент, в то время как Даймонд в основном пытается объяснить межконтинентальные различия, в частности, между Евразией и Америкой. Такой подход учитывает влияние экологических барьеров развития сельскохозяйственных культур на общества и целые цивилизации в долгосрочной перспективе. По мнению Даймонда, прямым следствием отставания Америки от Евразии в переходе к земледелию на несколько тысяч лет явился гигантский технический разрыв между европейскими колонизаторами и индейцами, которые по объективным причинам не достигли уровня социально-экономического развития, необходимого для появления сложных технических изобретений, в частности,

огнестрельного оружия. Если сравнивать общества в пределах одного континента, но проживающие в экстремальных климатических зонах, то влияние окружающей среды становится не столь заметно. Так, сопоставляя развитие европейской части России и Западной Европы, историк Борис Миронов утверждает: «...воздействие географической среды на человека и общественные явления происходит опосредованно и во взаимодействии с другими социальными, экономическими и политическими факторами, оценить индивидуальный вклад каждого из них не представляется возможным. Поэтому любые соображения о влиянии географической среды на отдельные институты, модели поведения, социальные и экономические процессы и политические явления в жизни общества носят по необходимости предположительный, а часто просто *гадательный, спекулятивный характер*, так как не могут быть подкреплены эмпирическими данными и уязвимы для критики» (Миронов, 2014. С.134).

Чтобы преодолеть сложности, с которыми сталкиваются историки и экономисты при попытках определить измеримые параметры экономического развития различных обществ, Даймонд предлагает активнее использовать метод естественных экспериментов. Признавая, что результаты таких экспериментов уступают в точности результатам лабораторных опытов — основному способу проверки гипотез в физике, химии и молекулярной биологии, — ученый считает, тем не менее, данный метод более надежным, чем произвольные сопоставления различных стран и регионов. Даймонд указывает, что метод естественного эксперимента применяется в разных науках, когда по определенным причинам невозможно провести лабораторный опыт. Например, чтобы выявить связь между группой крови и иммунитетом к оспе, медики не инфицируют людей с разными группами крови, а анализируют эпидемиологические данные, свидетельствующие о реакции представителей крупной популяции на этот вирус (Diamond, Robinson, 2010. P.2). На различных примерах, взятых как из давнего прошлого, так и из современности, Даймонд доказывает два основных тезиса: экосистема может ставить непреодолимые преграды для разных видов деятельности и тем самым влиять на экономическую динамику общества; задержка в переходе к новому виду хозяйственной деятельности (например, земледелию) в долгосрочной перспективе серьез-

но ограничивает возможности одного общества конкурировать с другими, в которых какой-либо важный вид деятельности появился раньше. Иными словами, географические особенности континента или региона в сочетании с другими факторами обуславливают конкурентные преимущества населяющих его народов и определяют траекторию его развития.

Представители институциональной школы традиционно относятся с подозрением к подобным утверждениям, и многие критики Даймонда окрестили его теорию новым вариантом географического детерминизма. Авторы книги «Why nations fail» Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон указывают на то, что изменения в развитии государств опровергают тезис о предопределенности траектории развития страны или региона. Так, в период расцвета центральноамериканского государства майя Великобритания находилась на довольно низком уровне экономического развития, но сегодня последняя входит в число передовых экономик, тогда как Мексика относится к довольно бедным странам. Напротив, североамериканские племена были на протяжении большей части истории экономически отсталыми, а современные США являются страной с самой инновационной экономикой. Таким образом, считают критики Даймонда, богатство и бедность государств обусловлены не географическим положением, а чем-то иным. Далее мы рассмотрим основные положения теории Аджемоглу и Робинсона и реакцию Даймонда на их критику.

Причины неустойчивого экономического роста

В 1620 г., спустя 13 лет с основания первого поселения английских колонистов в Америке, будущего штата Виргиния, философ и естествоиспытатель Фрэнсис Бэкон опубликовал книгу «Новый Органон», в которой выделил три изобретения, изменившие «облик мира»: книгопечатание, порох и компас. Он одним из первых среди европейских мыслителей осознал влияние изобретений на развитие стран, и по мере ускорения технического прогресса и сопутствующих ему социальных и политических сдвигов убедительность его утверждения относительно ключевой роли техники в истории неуклонно росла, пока в XX в. этот тезис не стал настолько распространенным, что мало кто ассоциировал его с автором трактата XVII в. о важности науки для процветания общества. Однако во второй половине XX в. и особенно в XXI в. сначала среди европейских интеллектуалов, а позднее и в более широких кругах, стала популярна критическая переоценка представления, согласно которому технический прогресс влияет на различные стороны общественной жизни. Хотя сегодня по-прежнему мало кто сомневается в важности техники для экономического роста, все больше людей в контексте разнообразных событий современной истории задаются вопросом о связи между распространением технических изобретений и культурным и социально-политическим прогрессом той или иной страны. Вот почему в качестве введения к обзору дискуссии о факторах, обуславливающих неравномерное экономическое развитие различных культур, представляется уместным привести полную цитату из раздела «Нового Органона», где Бэкон перечисляет важнейшие, с его точки зрения, изобретения человечества: «И далее, пусть кто-нибудь подумает ... какова разница между жизнью людей в каком-либо наиболее культурном краю Европы и в какой-нибудь наиболее дикой и варварской области Новой Индии, и он увидит: между ними такое различие, что — по справедливости сможем сказать — «человек человеку бог», и не только вследствие оказываемой помощи и благодеяний, но также и вследствие разницы их состояния. И это происходит не от почвы, не от климата, не от телос-

ложения, а от наук. Хотелось бы еще показать силу, достоинство и последствия открытий; а это обнаруживается нагляднее всего на примере тех трех открытий, которые не были известны древним и происхождение которых, хотя и недавнее, однако темно и лишено громкой славы, а именно: искусство печатания, применение пороха и мореходной иглы. Ведь эти три изобретения изменили облик и состояние всего мира, во-первых, в деле просвещения, во-вторых, в делах военных, в-третьих, в мореплавании. Отсюда последовали бесчисленные изменения вещей, так что никакая власть, никакое учение, никакая звезда не смогли бы произвести большее действие и как бы влияние на человеческие дела, чем эти механические изобретения» (Бэкон, 1972. С. 78).

В этом отрывке из сочинения Бэкона интересны три аспекта. Во-первых, можно довольно точно определить события, подтолкнувшие его к изучению практического значения техники для культуры и экономики: в Америке, особенно в северной ее части, европейцы впервые встретили сообщества людей, значительно более бедные, чем самые неимущие слои населения в их родных странах. Открытие нового континента стало для европейцев также и открытием существенного экономического неравенства между народами, и Бэкон был в числе первых ученых, предложивших объяснение этого явления естественными причинами. Во-вторых, Бэкон, как и авторы обсуждаемой в данном докладе книги, отвергает географические, климатические и биологические теории экономического неравенства. Важно отметить, что и спустя почти триста лет после выхода книги Бэкона среди влиятельных ученых остаются сторонники географической теории. В-третьих, из приведенной цитаты следует, что наука и технические изобретения являются, по мнению английского философа, *основными факторами исторического развития народов*, поскольку запускают автокаталитический процесс роста инноваций.

Именно этот аспект заслуживает особого внимания в рамках данного доклада, поскольку становится очевидна уязвимость тезиса Бэкона: ведь все три упомянутые им открытия были сделаны не в Европе, а в Китае², где они не только не привели к цикличе-

2. Старейшая сохранившаяся печатная книга, которая датируется 1377 г., была изготовлена в Корее, но по технологии, заимствованной из Китая.

скому росту инноваций, но даже не предотвратили экономическую стагнацию и подчинение более сильным державам, таким образом в середине XX столетия Китай оказался одной из беднейших стран мира (Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 234).

История, как было известно еще древним, повествует о чередовании государств, казавшихся на пике своего могущества непобедимыми, но затем исчезнувших с лица Земли. Знание о конечности даже самых великих держав, таких, например, как Ассирия, позволяло жителям древневосточных стран прогнозировать неминуемый конец современных им империй. Как говорит пророк Даниил, обращаясь к Навуходоносору: «Ты, царь, царь царей, которому Бог небесный даровал царство, власть, силу и славу, и всех сынов человеческих, где бы они ни жили, зверей земных и птиц небесных Он отдал в твои руки и поставил тебя владыкою над всеми ими. ... После тебя восстанет другое царство, ниже твоего, и еще третье царство, медное, которое будет владычествовать над всею землею» (Дан. 2:37-40).

В несколько смягченной форме сходный взгляд на историю излагают американские экономисты Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон в уже упомянутой книге «Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty» («Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты»)³, вышедшей в 2012 г. Разумеется, в отличие от пророка Даниила эти авторы считают, что упадок и коллапс государств происходят без участия сверхъестественных сил. Используя обширный исторический материал, в том числе данные археологических изысканий, Аджемоглу и Робинсон пытаются обосновать свой ответ на один из самых острых и болезненных вопросов для жителей, не входящих в «золотой миллиард»: в чем причины бедности отдельных государств?

Несмотря на название «Why nations fail» – эта книга, возможно, одна из наиболее оптимистичных по данной проблеме. Во-первых, авторы уверены, что на поставленный ими вопрос, в принципе, можно найти ответ. И что при всей пестроты примеров, фигурирующих в их книге, у большинства задач, которые ставят

3. В дальнейшем все цитаты даны в переводе автора доклада со ссылками на русский перевод (Аджемоглу, Робинсон, 2015).

перед историком исчезнувшие или пришедшие в упадок цивилизации, есть общее решение. Более того, и это второй повод вселить в читателей оптимизм, такое решение найдено. Наконец, в-третьих, потому что решение, которое предлагают ученые, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Хотя это не является предметом их исследования, ответ на поставленный авторами вопрос позволяет понять, что отстающим государствам надо сделать, чтобы справиться с хронической бедностью и достичь процветания.

Рассмотрим пять основных составляющих концепции экономического развития Аджемоглу и Робинсона: противопоставление двух типов экономического роста – устойчивого и неустойчивого; значение «созидательного разрушения» и открытости стран инновациям; феномен «поворота фортуны»; роль поворотных исторических моментов в дивергенции политического и экономического развития государств; смена формата развития как условие экономического роста. Так как авторы критикуют гипотезу, усматривающую основную причину отсталости в географии, сторонником которой они считают Даймонда, в работе над данным докладом учитывались рецензия последнего на «Why nations fail» в журнале «New York Review of Books» и развернувшаяся вслед за этой публикацией полемика между учеными.

Новизна концепции Аджемоглу и Робинсона по сравнению с другими популярными современными теориями экономического неравенства, в частности, «экологическим детерминизмом» Даймонда (сам ученый дистанцируется от этого термина, как и от любого иного детерминизма⁴), состоит в том, что центральное значение в процессах экономического роста они отводят политическим учреждениям. «Причина неудач, которые государства терпят в экономике, – утверждают авторы, – состоит в экстрактивных институтах (extractive institutions). Из-за них бедные государства остаются бедными и не выходят на путь экономического роста» (Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 39; ср. Аджемоглу, Робинсон, 2015.

4. Так, в книге «Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают», вышедшей в США в 2005 г., Даймонд подчеркивает, что «нередко они [люди] все же отдают предпочтение краткосрочным задачам, а зачастую действуют вопреки и краткосрочным, и долгосрочным целям. Именно поэтому биографии отдельных людей и истории целых сообществ гораздо более сложны и менее предсказуемы, чем течение химических реакций. По этой же причине настоящая книга не проповедует экологический детерминизм» (Даймонд, 2010b. С. 424).

С. 529). Термином «экстрактивные» авторы обозначают институты, созданные одной стратой общества для присвоения материальных благ, изъятых у другой (Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 73). Все общества, в том числе архаичные и не соответствующие современному понятию «государства», ученые подразделяют на два основных типа: с экстрактивными экономическими и политическими институтами и с инклюзивными политическими и экономическими институтами. Термин «инклюзивные институты», взятый учеными у Тимоти Бесли (Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 468), указывает, как следует из названия, на участие разных социальных групп в политическом процессе, например, с помощью парламентских выборов. Институты, способствующие широкому доступу населения к ресурсам и принятию политических решений, ученые называют инклюзивными. Теоретически возможны комбинации инклюзивных политических и экстрактивных экономических институтов, но в силу их объективной несовместимости такие гибридные системы недолговечны. Напротив, государства, в которых и политические, и экономические институты основаны на изъятии благ у большинства населения, равно как и государства только с инклюзивными политическими и экономическими институтами, стабильны. Однако стабильность последних принципиально иного характера, чем стабильность обществ с экстрактивными институтами, поскольку только в государствах с инклюзивными институтами возможен устойчивый экономический рост⁵. Это главный тезис концепции Аджемоглу и Робинсона, и, отталкиваясь от него, они конкретизируют понятие «бедные страны». Неизбежным следствием «экстрактивной экономики» и сопутствующей ей бедности является, по их убеждению, неспособность страны поддерживать устойчивый экономический рост. Происходит это в силу двух причин: из-за боязни элиты непредсказуемой экспансии технологий, которая служит ключевым элементом устойчивого роста, и из-за острых конфликтов между группами, конкурирующими за господство в таких странах.

Итак, бедные страны, или «страны-неудачники» — это такие, в которых наблюдается только неустойчивый рост.

5. Иного мнения о связи демократии и экономического роста придерживается, в частности, Манкур Олсон (Olson, 1982).

Аджемоглу и Робинсон рассматривают историю Китая XVI—XX вв, которая представляет собой «крепкий орешек» для институциональной экономики как частный случай сформулированной выше закономерности: «В основе [экономического упадка Китая] была обычная логика институтов изъятия. Как и большинство правителей государств с институтами изъятия, китайские абсолютистские императоры сопротивлялись изменениям, стремились поддерживать стабильность и в основном опасались созидательного разрушения» (Acemoglu, Robinson, 2012a. 231f). Непонятно, однако, как при функционировании институтов изъятия в Китае появлялись впечатляющие технические изобретения и как, собственно, авторитарное государство смогло вывести страну на курс устойчивого роста (Китай стал едва ли не крупнейшей экономикой мира). Противоречивость данного объяснения отсталости Китая видна и из характеристики отношения этого государства к инновациям, данной Аджемоглу и Робинсоном. Сначала авторы утверждают, что проблема состояла в отсутствии спроса на новшества у предпринимателей и торговцев и что основным «заказчиком» и спонсором изобретателей в Китае был император (Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 231), а затем выдвигают противоположный тезис — стагнация китайской экономики стала следствием равнодушия власти к инженерам и недостаточного стимулирования торговли и промышленности (Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 234). Напомним: разного типа структуры, которые Аджемоглу и Робинсон называют экстрактивными институтами, существовали в Китае не одно тысячелетие, тем не менее на счету китайской цивилизации много сложных и даже прорывных технических изобретений, и, как указывают сами авторы, в 1500 г. по уровню жизни Поднебесная не уступала европейским странам.

Авторы книги не отрицают могущества древнего и средневекового Китая, но определяют рост его экономики как неустойчивый. Согласно Аджемоглу и Робинсону, Китай был не единственным государством с экстрактивными институтами, достигшим сравнительно высокого уровня развития производства. К подобным государствам с неустойчивым экономическим ростом они, в частности, относят СССР, КНДР, большинство современных африканских стран. В этом же списке — цивилизация майя. С одной стороны, ав-

торы признают, что «на основании археологических данных нельзя однозначно установить причины ... коллапса институтов, создавших цивилизацию майя классического периода». С другой стороны, они резюмируют краткий экскурс в историю майя следующим образом: «Экстрактивные институты, представлявшие базу правления элиты, породили резкое неравенство и потенциал для конфликта между элитами, которые пользовались благами, изъятыми у народа. Этот конфликт в итоге привел к гибели цивилизации Майя» (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 149*). История майя, как она представлена в книге, оказывается частным случаем «порочного круга» развития общества с экстрактивными институтами, в котором стремление к обладанию абсолютной властью, открывающей неограниченный доступ к присвоению ресурсов, стимулирует перманентный конфликт между конкурирующими группировками, а он, в свою очередь, ведет к исчезновению государства (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 150, 430; ср. Аджемоглу, Робинсон, 2015. С. 529*). Настаивая на междоусобном конфликте как первопричине заката майя, Аджемоглу и Робинсон выступают сторонниками монокаузального подхода, в то время как критикуемый ими за географический детерминизм Даймонд рассматривает несколько факторов, в числе которых и внутренние усобицы, в совокупности предопределивших гибель древней цивилизации.

Интерпретация коллапса цивилизации майя в книге «*Why nations fail*» может показаться исследователям мезоамериканских культур спекулятивной, хотя авторы и считают, что археологические данные подтверждают их версию. Предложенное же в книге объяснение перехода к сельскому хозяйству вызовет удивление даже у неспециалиста. Согласно Аджемоглу и Робинсону, общества Ближнего Востока в эпоху неолита начали заниматься земледелием, потому что в них произошло расслоение на элиту и на «рядовых» жителей и сформировались политические структуры, нацеленные на присвоение ресурсов. Авторы интерпретируют археологические данные о мезолитической натуфийской культуре (существовала в Леванте примерно с 12 500 по 9 500 г. до н.э.) в свете концепции «экстрактивных институтов» и видят в данной культуре признаки смещения контроля за жизнью общины к узкой группе лиц. Вопреки множеству археологических и этнографиче-

ских сведений, свидетельствующих об обратном (*Bar-Yosef, 2012*), экономисты утверждают, что оседлость и возникновение сложных политических институтов были не следствием, а условием перехода к сельскому хозяйству, хотя как конкретно они представляют себе этот процесс не вполне ясно (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 139*)⁶. На основе доступных им данных они приходят к выводу, что «потенциал для экстрактивного роста служит стимулом политической централизации и ... вероятно, позволил ближневосточным натуфийцам построить ранние формы охраны правопорядка, иерархии и экстрактивных институтов, которые в конечном итоге привели к Неолитической революции» (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 149*; ср. *Аджемоглу, Робинсон, 2015. С. 198*). Неудивительно, отметим от себя, что в итоге натуфийская культура, от которой не сохранилось никаких письменных свидетельств и само существование которой как единого сообщества остается гипотетичным, ставится в один ряд с такими «экстрактивными» государствами, как СССР, — поскольку «ранний рост натуфийцев не стал устойчивым по той же причине, по которой исчерпался рост советской экономики» (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 143*).

Таким образом, в теории Аджемоглу и Робинсона политические учреждения расцениваются в качестве перводвигателей экономического развития, как устойчивого, так и неустойчивого. Задумаемся над этим положением. Итак, экстрактивным политическим институтам свойственна тенденция к централизации, по-

6. Буквально несколькими абзацами выше авторы пишут, что «возможность более эффективно обращаться с запасами и накапливать провиант была, должно быть, ключевым стимулом к переходу к оседлому образу жизни». Тут же возникает вопрос: что могли накапливать люди в относительно больших масштабах до возникновения сельского хозяйства? Очевидно, что добыча охотников-собирателей в среднем намного скромнее, чем урожай сельскохозяйственных растений, и не может храниться столь долго. Поэтому, как признают и авторы, продовольственная база резко увеличилась только после перехода к сельскому хозяйству. Между тем они утверждают, что вследствие определенных институциональных изменений, а именно появления политической иерархии и централизации, группы кочевников были «вынуждены» перейти к оседлому образу жизни под давлением «элиты», которая была заинтересована в изъятии ресурсов у соплеменников, причем эти институциональные изменения, усиленные переходом к оседлости, были причиной перехода и к оседлости, и к земледелию. Однако чуть выше авторы выдвигают тезис, что именно переход к оседлости сделал более вероятным одомашнивание растений. Следует заметить, что Даймонд допускает переход к оседлости и даже начало социальной дифференциации до перехода обществ к земледелию, но считает такие случаи исключением из правила. В своем ответе Даймонду Аджемоглу и Робинсон называют представление о появлении оседлости до земледелия общепринятым мнением у археологов, что, несомненно, преувеличение.

скольку централизованная система управления позволяет элите эффективнее изымать блага у их производителей. Однако возникает вопрос: если элитам выгодно формировать экстрактивные институты после перехода к земледелию, то почему, например, оседлые коренные североамериканские общества не создали сильного централизованного государства наподобие Китая? Авторы книги довольно туманно высказываются на этот счет. С одной стороны, они называют централизацию необходимым условием неустойчивого (ограниченного) экономического роста (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 149*). С другой стороны, признают, что вследствие различий в исходных институтах элиты некоторых обществ – главные бенефициары централизации – не смогли сконцентрировать полноту власти и создать функционирующее государство. Тем не менее, из книги Аджемоглу и Робинсона недвусмысленно следует, что экстрактивные экономические институты существовали практически повсеместно и на протяжении всей истории, в том числе в таких странах, как средневековая Эфиопия, Колумбия или Сомали, где власть сегодня находится в руках конкурирующих военных группировок. Именно пример Сомали подводит авторов к мысли, что политическая централизация выгодна не только элите, но и населению в целом, поскольку без базовых структур правопорядка невозможна и «современная экономика» (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 238*). Однако в рамках жесткой схемы, построенной на противопоставлении экстрактивных и инклюзивных институтов, эта мысль не получает развития, и авторы обходят вопрос о факторах централизации в ранних государствах, ограничиваясь констатацией различия исходных условий в разных обществах⁷.

Допустимо ли вообще экстраполировать современные представления о росте, ориентирующиеся на промышленное производство и восходящие к периоду промышленного переворота, на архаичные общества с аграрной или преимущественно аграрной экономикой? Если постоянное совершенствование считать основной характеристикой устойчивого роста, то очевидно,

7. Связь между политической централизацией и возникновением экстрактивных институтов относится к числу наиболее туманных и противоречивых аспектов книги. Является укрепление центральной власти единичным или периодически повторяющимся процессом? Кому более выгодно централизация – правителям или элите? Закономерен или случаен переход к централизованному государству в аграрных обществах? На эти вопросы в книге можно найти весьма противоречивые ответы.

что до промышленного переворота, до механизации производства, его быть не могло в принципе, поскольку не существовало промышленности в современном смысле слова. Иными словами, правомерен вопрос, почему страны, производящие изделия с помощью машин, не могут поддерживать устойчивый рост производства, но бессмысленно говорить, что та или иная страна не обеспечивает устойчивый рост, пока не появилось его условие — механизированная промышленность. Сравнение преднеолитических обществ с советской плановой экономикой скорее путает читателя, чем проясняет вопрос об источниках роста при экстрактивных институтах: какой устойчивый рост могли имитировать жившие 12 тысяч лет назад натуфийцы или древние египтяне (Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 149; ср. Аджемоглу, Робинсон, 2015. С. 198), если сам феномен устойчивого роста, по мнению авторов, возникает только в XVII в.?⁸ Признав анахронизм понятия «устойчивый экономический рост» в том смысле, как его используют Аджемоглу и Робинсон, в применении к доиндустриальным экономикам, следует также признать неадекватность их понятия «неустойчивый рост».

Во-первых, если речь идет о росте аграрного производства, то он необязательно зависит от государственных институтов. Есть немало земледельческих обществ с племенной, т. е. негосударственной организацией. Во-вторых, сложно понять, как при стабильно высоком (по сравнению с обществами охотников и собирателей) демографическом росте сельскохозяйственный — в долгосрочной перспективе — может быть неустойчивым. Вспышки голода и эпидемий, периодически сотрясавшие земледельческие общества, не отменяют того факта, что население аграрных обществ неуклонно росло. Более того, как отмечает Даймонд, сравнивая земледельческие племена и ранние государства, присваивающее государство, т. е. то, что Аджемоглу и Робинсон называют обществом с экстрактивными институтами, *стимулирует*, а не сдерживает рост производства продовольствия, в частности, для поддержания вооруженных сил и управленческого аппарата

8. Как утверждают Аджемоглу и Робинсон, устойчивый рост является следствием инклюзивных политических институтов, возникших в результате Славной революции в Великобритании (Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 102, 184).

(Даймонд, 2010а. С. 442)⁹. Наконец, принимая во внимание сочетание устойчивого роста с «инклюзивностью», а неустойчивого — с «экстрактивностью», нельзя не задаться вопросом: как авторы представляют себе альтернативу экстрактивным институтам в обществе, в котором сельское хозяйство является единственной или основной отраслью экономики? Учитывая, что и английские институты, которые авторы считают эталонными, формировались в условиях доминирования экстрактивных политических институтов абсолютистского государства, защищавшего, однако, интересы торговцев и предпринимателей, вывод Аджемоглу и Робинсона о неспособности данных институтов поддерживать устойчивый рост представляется необоснованным и не подтвержденным в приведенными в книге фактами (см.: *Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 102*).

9. Частично это признают и Аджемоглу и Робинсон (см.: *Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 149*). Ответ Даймонда на вопрос о причинах возникновения государства можно в сжатом виде передать формулой: государство = сельское хозяйство → увеличение продовольственных ресурсов → популяционное давление + внешняя угроза или завоевание. Даймонд отмечает, что плотность человеческого населения после неолитической революции увеличивалась чуть быстрее, чем доступное количество пищи. Связь между переходом к земледелию и ускорением демографического роста Даймонд объясняет так: «После того как люди стали производить пищу и перешли к оседлому образу жизни, они получили возможность сократить детородный интервал у женщин и начать производить на свет все больше людей, которые в свой черед требовали все больше пищи» (Даймонд, 2010а. С. 170). См. также: *Diamond, 2012a*.

География и восприимчивость государств к инновациям

Аджемоглу и Робинсон утверждают, что государства с инклюзивными политическими институтами характеризуются не только устойчивым ростом, но и ключевой ролью инноваций в экономическом развитии. Иными словами, страны с инклюзивными институтами генерируют интенсивный рост, а не экстенсивный. В контексте полемики этих авторов с Даймондом из этого утверждения следует, что географическое положение для перехода страны к интенсивному росту мало что значит. Если модифицировать тезис Аджемоглу и Робинсона и предположить, что *в обществах с экстрактивными политическими институтами переход к экономике инноваций невозможен*, то нетрудно увидеть — институциональный и географический подходы при объяснении восприимчивости к инновациям могут успешно друг друга дополнять. На примере распространения инноваций становится ясно, как велико может быть влияние географии на экономическое развитие обществ. Американские экономисты сами приводят пример негативного воздействия географических барьеров на развитие некогда процветавшего государства, рассказывая историю упадка империи Аксум, которая существовала на территории современной Эфиопии, и пришедших ей на смену феодальных (по определению Аджемоглу и Робинсона) объединений. Как отмечают эти ученые, развитие Эфиопии до VII в. протекало аналогично эволюции поздней Римской империи и возникших на ее основе феодальных государств, однако естественный барьер — восточноафриканский горный массив — отрезал Эфиопию от внешнего мира, что привело к возврату абсолютизма и политической стагнации, в отличие от Европы, постепенно продвигавшейся к демократизации (Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 178). На данном сравнении можно было бы показать, как географический фактор приводит к изоляции общества и обуславливает, в силу ограниченности или отсутствия культурных и торговых связей, его отсталость. Особенности ландшафта ограничили, в частности, культурную диффузию между обществами, населявшими Анды, и мезоамерикан-

скими культурами. В результате, несмотря на то, что в Мезоамерике было изобретено колесо, а в Центральных Андах одомашнено единственное американское вьючное животное (лама), колесный транспорт в доколумбовой Америке так и не был изобретен (*Даймонд*, 2010а. С. 396).

Рассуждая о различии устойчивого роста и роста неустойчивого, наблюдающегося в условиях функционирования экстрактивных институтов, Аджемоглу и Робинсон уделяют особое внимание понятию «созидательное разрушение», введенному в экономическую науку Йозефом Шумпетером¹⁰. Как известно, он использовал его, чтобы обратить внимание на неизбежность издержек для части производителей в процессе внедрения более эффективного средства для производства аналогичного продукта или оказания услуги. Для Аджемоглу и Робинсона более важна первая часть данного словосочетания — в отличие от разрушения, вызванного стихийным бедствием или иноземным вторжением, разрушение менее эффективных средств и способов производства оказывается в целом благоприятно для экономики, поскольку оно раскрывает творческий потенциал изобретателей и способствует совершенствованию техники. Иными словами, благодаря созидательному разрушению успех того или иного изобретения зависит от его эффективности, а не от воли правителя, как бывает в государствах с экстрактивными институтами.

Для иллюстрации этого тезиса авторы приводят эпизод из биографии римского императора Веспасиана в изложении Светония. Однажды ко двору Веспасиана явился некий человек и предложил оптимизировать способ доставки тяжеловесных колонн для Капитолия и тем самым сократить государственные расходы на строительство дворца. Веспасиан отклонил предложение, аргументировав свой отказ вероятной потерей рабочих мест и снижением уровня жизни значительной части римского населения, занимавшегося доставкой колонн: «Как я смогу прокормить народ?» (*Acemoglu, Robinson*, 2012а. Р. 171). Совершенно логичный для современного американского читателя довод изобретателя, который хотел сделать

10. Автором идеи, что разрушение может быть творческой силой, является Вернер Зомбарт (см.: *Sombart*, 1913. S. 207), однако понятие «созидательное разрушение» получило известность благодаря книге Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия».

более дешевым и эффективным процесс производства, натолкнулся на страх монарха утратить стабильность своей власти.

Еще более яркий, по словам самих авторов книги, случай блокирования инноваций главами абсолютных монархий взят из истории Англии XVI в. Священник Уильям Ли из английской деревни Калвертон изобрел в 1589 г. первую вязальную машину, чтобы облегчить своей жене изготовление шапок на продажу. Он обратился к королеве Елизавете I с просьбой о даровании ему патента, но получил отказ. Как было сказано в ответе королевы, если изобретение выйдет на рынок, оно «непременно лишит [ее подданных] рабочих мест и превратит их в попрошайек» (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 182*). Королева опасалась, что резкое обнищание значительной части населения приведет к социальным волнениям и скажется на устойчивости ее власти¹¹. Характерно, что перспективное изобретение оказалось отвергнуто одним из наиболее прагматичных и дальновидных правителей того времени, каким была Елизавета.

Начавшийся спустя два столетия промышленный переворот показал, как стремительно действует механизм созидательного разрушения. Локомотивом модернизации производства в Англии была текстильная отрасль, в которой на смену изготовлению шерстяных изделий по системе рассеянной мануфактуры пришла фабрика по производству тканей из хлопка. Как отмечают Аджемоглу и Робинсон, быстрый переход к новой, более эффективной форме организации производства стал возможен благодаря притоку новых людей, не участвовавших до того в консервативном изготовлении изделий из шерсти. Предприниматели, связанные ранее с этой отраслью, составляли лишь пятую часть владельцев крупнейших фабрик того времени (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 206*). Внедрение мощных машин для выпуска тканей сопровождалось вытеснением одной социальной группы (предпринимателей, связанных со старой отраслью, и надомных рабочих) другой (предпринимателями-инноваторами и фабричными рабочими). Как и предвидела королева Елизавета, технические новшества привели к фундаментальным социальным изменениям.

11. У бездетной королевы-протестантки и первой в истории женщины на английском троне было немало оснований опасаться угроз как извне, так и внутри государства.

В истории Уильяма Ли есть, однако, любопытное продолжение, которое не упоминается в книге Аджемоглу и Робинсона. Несмотря на неудачу в получении патента Ли не опустил руки и решил попытаться счастья за морем. По приглашению короля Генриха IV Ли переехал в начале XVII в. во Францию и основал в Руане мануфактуру по производству трикотажных изделий с помощью вязальной машины (*Plummer, 2005. P. 169*). Эффективность механического метода производства трикотажа не могла не впечатлить современников: уже первые модели машины работали в 10–15 раз быстрее обычного вязальщика и были настолько просты в управлении, что за них можно было посадить двенадцатилетнего подростка. Из-за скудности источников судить об успехе фирмы Ли трудно, но очевидно, что содействие французского короля позволило англичанину реализовать свою идею на практике и не дало ей кануть в Лету, как случилось с изобретением неизвестного мастера эпохи Веспасиана и множеством других новшеств прошлого, ставших жертвой невежества, косности и чрезмерной боязни монархов за свою власть. В итоге сын Ли, Джеймс, вернулся спустя несколько лет в Англию и основал вместе с бывшим подмастерьем своего отца фирму в Лондоне, продукция которой быстро стала популярной у покупателей и способствовала формальному признанию этого механизированного производства раннего типа (*Plummer, 2005. P. 170*).

Значение сосуществования в Европе раннего Нового времени независимых и конкурирующих друг с другом государств для становления современной экономической системы еще более заметно на примере судьбы Христофора Колумба. Как известно, перед тем как получить благословение на свое дерзкое путешествие в Индию от испанских монархов, Колумб безуспешно искал поддержку у других европейских правителей. Анализируя причины превосходства европейских мореплавателей над китайскими, Даймонд отмечает, что если бы «Европа была объединена под началом любого из трех правителей [к которым обращался Колумб], колонизация Америки могла быть [sic] закончиться, не начавшись» (*Даймонд, 2010а. С. 619*). Действительно, в случае императорского отказа, например, обусловленного интригами при дворе, организатор дорогостоящей китайской экспедиции был вынужден распрощаться со своим планом, как это произошло с участниками экспедиций

после смерти адмирала Чжэн Хэ. Решением китайского императора в 1433 г. был введен запрет на торговлю с заморскими державами, которая была основным стимулом как для китайских, так и для европейских путешественников. Напротив, в Европе, особенно после раскола держав на католические и протестантские, неудача в получении поддержки одного монарха не была фатальной для амбициозного ученого, изобретателя или путешественника. Если в Китае географическая однородность привела к централизованному управлению огромной территорией и единовластием, что в конечном счете способствовало «иммунитету» к техническому прогрессу, то «географический раскол Европы породил десятки или даже сотни мелких соперничающих государств и центров инновационной деятельности. Если одно государство не давало ход какому-то изобретению, находилось другое, которое брало его на вооружение и со временем заставляло соседей либо последовать своему примеру, либо проиграть в экономическом соперничестве» (*Даймонд*, 2010а. С. 619). Пример Колумба также демонстрирует слабость монокаузального подхода к объяснению причин экономического развития: культурный, институциональный и географический факторы в его случае тесно взаимосвязаны, и отсутствие даже одного из них снижает вероятность важнейшего исторического события — открытия Америки¹².

Странно, что Аджемоглу и Робинсон не комментируют это явное противоречие в их рассуждениях о причинах разновекторного развития Запада и Востока после XV в. С одной стороны, сворачивание морских экспедиций авторы объясняют исключительно «боязнью созидательного разрушения», которое может пошатнуть основы государственного строя в обществах с экстрактивными институтами, т. е. той же логикой, которой руководствовалась Елизавета I, отказывая в патенте изобретателю вязальной машины. С другой стороны, они противопоставляют Китай периода запрета заморской торговли современной ему Англии, где под протекцией главы государства моряки отправлялись в далекие плавания для

12. Если учитывать зависимость успеха того или иного предприятия от воли правителя, то данный фактор нельзя рассматривать как случайный, так как сосуществование нескольких центров власти в Европе после распада Римской империи является производной от ее географии (вопреки мнению Аджемоглу и Робинсона (*Acemoglu, Robinson*, 2012а. Р. 180)). Следует заметить, что и Римская империя контролировала лишь часть Западной и Центральной Европы.

установления контакта с богатыми странами и освоения неизведанных земель (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 234*). Авторы лишь констатируют факт, что европейские монархи не стремились запрещать заморскую торговлю и не опасались, как китайский император, ее последствий (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 187*)¹³. Если при этом обратить внимание на то, что авторы напрямую связывают неудачную попытку Уильяма Ли получить разрешение на использование своего изобретения с господством экстрактивных институтов в Англии XVI в. и утверждают, что «политические и экономические институты, которые получили в наследство и поддерживали Тюдоры, были явно экстрактивными» (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 187*)¹⁴, то видно, что в отношении одного из ключевых моментов европейской истории — перехода от традиционной экономики к экономике инноваций и «созидательного разрушения» — их книга содержит два взаимоисключающих утверждения, и это, в свою очередь, ставит под сомнение ее центральный тезис о первичности изменений в политической структуре для перехода к устойчивому экономическому росту.

13. С этим, впрочем, не согласуется их утверждение, что Тюдоры не поощряли мореплавание, а ранняя колониальная экспансия была частным делом искателей приключений (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 111*).

14. Аджемоглу и Робинсон допускают стимуляцию экономики элитами при условии надежности их власти (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 92*), но не обсуждают такой сценарий подробно.

«Поворот фортуны»

Аджемоглу и Робинсон так часто объясняют неспособность государств выйти на путь устойчивого инновационного роста, эталонами которого для них служат Англия и США, господством экстрактивных институтов, что у читателя может возникнуть впечатление, будто за научной монографией скрывается апология демократии англо-американского образца. Однако это не совсем так. Если бедность и техническую отсталость таких стран, как Гватемала или Зимбабве, можно объяснить тяжелым наследием длительного господства экстрактивных режимов, то как понять причины кризиса государств с солидной историей инклюзивных институтов, таких как Древний Рим? Почему демократические греческие города-государства были покорены Римом, а Венецианская республика уступила в борьбе за доминирование на Средиземном море государствам с экстрактивными институтами? Аджемоглу и Робинсон признают, что и при инклюзивных институтах процветание не гарантировано. Впрочем, они делают оговорку, что государства с инклюзивными в полном смысле слова институтами появляются только в XVIII в.

В книге Аджемоглу и Робинсона можно выделить два базовых утверждения: 1) основная причина экономического успеха народов состоит в наличии инклюзивных институтов (монокаузальность); 2) основные изменения в политической структуре государства определяются внутренними процессами (эндогенность). Авторы подробно останавливаются на проблеме экономического регресса в государствах с инклюзивными институтами в главе «Дистанция увеличивается» («Drifting apart», рус. перевод: «Отдаляясь друг от друга»), которая посвящена эволюции институтов, преимущественно в европейских странах. В главе детально рассматриваются два примера такой ситуации, которую авторы обозначают как «поворот фортуны» («reversal of fortune»), имея в виду негативные изменения в структуре экономического роста: Древний Рим и Венеция. Примеров из более близкого прошлого (например, трансформация демократической Италии в фашистскую

диктатуру в XX в.) авторы не приводят¹⁵. Что касается Рима, то они связывают начало его экономического упадка с переходом от республики к принципату, т. е. системе, основанной на экстрактивных институтах.

Здесь трудно удержаться от недоумения: большая часть успехов Рима связана с эпохой империи, которая существовала более четырех веков, причем, как показали многочисленные исследования, период поздней античности никак нельзя считать эпохой упадка. Более того, многие историки считают так называемый упадок Рима, т. е. постепенную деградацию институтов, якобы вызванную внутренними конфликтами и процессами разложения, мифом. Аджемоглу и Робинсон никак не комментируют эту точку зрения, принимая нарратив о медленном угасании Рима, начиная с правления императора Августа, за данность. Между тем сами приводят факт, свидетельствующий, что в период перехода к принципату Рим находился в зените экономического могущества: используя количество обнаруженных археологами кораблей в качестве показателя экономического роста в конкретный период, они отмечают, что максимальное количество затонувших приходится примерно на время рождения Иисуса Христа (*Acemoglu, Robinson, 2012a*. P. 102). Получается, что экономический прогресс несколько не помешал замене инклюзивных институтов экстрактивными! Аджемоглу и Робинсон никак не объясняют и этот удивительный парадокс, заменяя выявление природы столь важного для темы их книги проблемы перерождения демократии в диктатуру скупым изложением хорошо известных фактов о закате республики и приходе к власти Цезаря. Однако описание процесса в экономической науке не равно его объяснению.

Утверждение, что переход к «более экстрактивным» институтам был следствием перехода от республики к империи, которое любому историку античности покажется недопустимым упрощением (так, первые императоры утверждались римскими легионами — институтом, возникшим в период республики), при внимательном рассмотрении вытекает из смешения следствия и причины. Через несколько страниц авторы описывают процесс

15. В статье (*Acemoglu, Johnson, Robinson, 2000*) утверждается, что после 1500 г. серьезных «поворотов фортуны» в европейских странах не было.

быстрого расслоения в римском обществе республиканского периода, вызванный завоеванием римской армией различных государств. Большая часть приобретенных насильственным путем богатств концентрировалась в узкой группе лиц (сенаторов), а семьи солдат постепенно беднели. Вследствие этого расслоения изменился и политический баланс в стране, а бенефициары римской экспансии любой ценой (вплоть до убийства оппонентов) стремились защитить свой возросший социальный статус. Аджемоглу и Робинсон пишут, что из-за концентрации власти в руках меньшинства менее надежными стали и права собственности — один из фундаментальных инклюзивных институтов (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 168*). Иными словами, «хорошие» институты не смогли защитить Рим от перехода к диктатуре. В итоге общество, изначально обладавшее довольно мощными инклюзивными институтами, обеспечившими впечатляющий экономический рост, деградировало до уровня типичного государства, основанного на экстрактивных институтах, и повторило судьбу империи майя (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 158*).

Как и при рассмотрении проблемы восприимчивости государств к инновациям, рассказывая о причинах «реверсивного развития» в истории Древнего Рима, Аджемоглу и Робинсон не уделяют должного внимания фактам, не вписывающимся в формулу «инклюзивные институты → процветание», даже если они и появляются на страницах их книги. Причина, по-видимому, состоит в допущении приоритета эндогенных факторов развития над экзогенными, которое, кстати, свойственно и марксистской теории экономического развития, с тем существенным отличием, что в последней иерархия экономики и политики по сравнению с концепцией Аджемоглу и Робинсона перевернута. Если бы авторы включили приведенное выше описание социального расслоения в их интерпретацию перехода от республики к империи, им пришлось бы переосмыслить или, во всяком случае, смягчить формулу, выражающую универсальность примата политической трансформации над экономической. Так, уже современник Нерона поэт Лукан, размышляя о причинах диктатуры Цезаря, связывал предшествовавшие ей упадок институтов народного представительства и всеобъемлющую коррупцию со стремительным ростом

богатства Рима вследствие эксплуатации завоеванных им стран: «Ибо, когда принесло военное счастье чрезмерный // Дар покоренных племен, — от богатства испортились нравы // И ограбление врагов, их достаток — посеяли роскошь ... Быстро рождается гнев; на злодейства — нужды порождение — // Смотрят легко; а мечом захватывать в свои руки отчизну — // Это великая честь; и ставят мерою права // Силу; в неволе закон и решения народных собраний, // Консулы права не чтут и его попирают трибуны; // Ликторов связки отсель покупные, народ, продающий // Милость свою за металл, и торг для Рима смертельный — // Торг должностями в борьбе ежегодной на Марсовом Поле; // Хищный отсюда процент, беспощадные сроки уплаты, — // И поколеблен кредит, и война стала выгодна многим» (Лукан, 1993. С. 11–12).

В максимально сжатом виде альтернативное объяснение упадка Рима, которое можно выстроить на основе приведенных в книге фактов, можно передать так: «Рим стал бедным, потому что стал слишком богатым».

К сожалению, парадокс негативного влияния богатства на политические институты в богатых странах не занимает должного места в книге Аджемоглу и Робинсона. Между тем правомерен вопрос о параллелях между развитием Рима и западных государств Нового времени. Причем интересно не столько набившее оскомину сравнение современных США с Римом «периода упадка» (как отмечалось выше, соответствие этого термина исторической реальности весьма сомнительно), сколько с Испанской и Британской империями. Аджемоглу и Робинсон уделили много внимания как в данной книге, так и в других своих публикациях негативно-му воздействию европейской колонизации на развитие институтов в покоренных странах (Açemoğlu, Robinson, 2012a. P. 273); пример с Римом республиканского периода, однако, дает повод задуматься об «эффекте бумеранга» в развитии государств-колонизаторов. В качестве доказательства такого эффекта можно рассмотреть европейскую страну, которая, будучи классическим государством с инклюзивными институтами, не участвовала в колониальной экспансии, — Швецию. Пережив политическую трансформацию от феодального к буржуазно-демократическому государству (хотя и без ключевой составляющей англо-американской демократии —

парламента), сравнимую с развитием Англии, Швеция неудачно пыталась участвовать в колониальной экспансии, но вскоре отдала свои незначительные заморские территории Англии и Нидерландам. Однако то, что в XVIII–XIX вв. могло расцениваться как слабость, в XX и XXI вв. оказалось очевидным преимуществом: Швеции не переживала, как другие империи, крайне болезненное переустройство экономики в процессе деколонизации и смогла избежать сильного социального расслоения, до сих пор характерного для Великобритании и Испании. Вместе с тем Швеция смогла вовремя провести индустриализацию и, благодаря последовательно проводимой с начала XIX в. политике нейтралитета, избежать милитаризации экономики и колоссальных потрясений, которые испытали европейские сверхдержавы в двух мировых войнах. Если оценивать историческое развитие, основываясь на текущих показателях, то следует признать «шведский путь» успешнее английского и по политическим, и по социально-экономическим результатам¹⁶. Разумеется, нельзя объяснить различия в социоэкономической динамике этих стран только участием в колониальной экспансии, однако данное сравнение демонстрирует значение негативных эффектов от колонизации как экзогенного фактора развития метрополии, который никак не учитывается Аджемоглу и Робинсоном.

Более интересно описание в книге заката Венецианской республики. Во-первых, авторы прямо говорят о Венеции как о стране с инклюзивными институтами, упустившей исторический шанс на устойчивый экономический рост. Действительно, на условной шкале «инклюзивности» средневековая Венеция должна получить более высокое значение, чем древнеримская республика, поскольку в Венеции не было рабовладения — одного из основных экстрактивных институтов. Более того, авторы находят в экономической истории средневековой Венеции признаки «творческого разрешения», важнейшего элемента современного устойчивого роста, и отмечают, что до поры до времени оформление полностью инклюзивных институтов в этом государстве казалось неизбежным (*Acemoglu,*

16. В списке стран по ВВП на душу населения по паритету покупательной способности Швеция на несколько мест опережает Великобританию и Испанию (данные Всемирного Банка за 2014 г., http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?order=wbapi_data_value_2014+wbapi_data_value+wbapi_data_value-last&sort=desc).

Robinson, 2012a. P. 154). Во-вторых, они датируют начало упадка Венеции концом XIII в. и связывают его с постепенным закреплением высших должностей за знатными семьями. По-видимому, Аджемоглу и Робинсона не смущает, что на протяжении нескольких столетий после XIII в. «*La Serenissima*» господствовала в Восточном Средиземноморье и на Черном море и была наравне с Генуей единственным итальянским государством, сохранившим независимость до вторжения Наполеона несмотря на могущество таких держав, как Испания, Австрия и Франция, подчинивших практически все прочие итальянские территории. При этом в качестве индикатора экономического прогресса американские экономисты используют демографические данные и утверждают, что к 1500 г. население города, составлявшее в 1330 г. 110 тыс. чел., сократилось до 100 тыс. и никогда больше эту цифру не превосходило. Это неверно: только с 1509 по 1563 гг. население Венеции выросло почти на 50%, со 115 до 168 тыс., причем положительная динамика сохранялась и далее (*Sella, 1994. P. 652*). Наконец, из исторического обзора, представленного Аджемоглу и Робинсоном, неясно, почему они придают такое значение институциональным изменениям XIII–XIV вв. Поскольку Венеция и до усиления олигархии не была образцовым передовым государством, так как ее институты были лишь частично инклюзивными, то получается, что старую олигархическую систему в XIV в. сменила новая. При этом авторы книги не могут утверждать, что после XIV в. венецианские институты стали полностью экстрактивными, поскольку права собственности и многие другие права, которые были у граждан до «начала упадка», никуда не исчезли. Следовательно, тот же фактор, который, по мнению авторов, определяет деградацию экономической системы, присутствует и в период ее подъема.

Как и в ряде других случаев, в разделе, посвященном Венеции, Аджемоглу и Робинсон представляют свою версию истории как единственно возможную, даже не обсуждая довольно influentialную гипотезу о спаде могущества Венецианской республики вследствие усиления Османской империи, блокировавшей прямой доступ к ближневосточным торговым путям, и открытия европейцами морского пути в Индию. Опять-таки включение этой гипотезы в рассуждения о «повороте фортуны» Венецианской респуб-

ки потребовало бы скорректировать тезис о примате эндогенных факторов развития над экзогенными, а также учесть роль географии. Никто не может сказать, что в конце XV в. венецианские или генуэзские мореплаватели были менее искусными или менее инициативными, чем голландцы и англичане. Достаточно вспомнить, что Колумб и Кабот были итальянцами. Но в силу особенностей географического положения — и, вероятно, в этом случае допустимо более сильное утверждение: и только их! — итальянские города-государства не смогли участвовать в атлантической экспансии и уступили лидерство в торговле с Востоком западноевропейским державам. Вспомним объяснение отставания Китая от Европы, предложенное Аджемоглу и Робинсоном: деспотизм, экстрактивные институты и подавление частных инициатив, ведущих к децентрализации политической власти. Из рассуждений американских экономистов следует, что Венеция по тем же причинам уступила Англии. Но как можно обнаружить нечто подобное запрету на морские экспедиции в Венеции, вся экономика которой была основана на развитии старых и поиске новых торговых связей, в частности уже в XIII в., с тем же Китаем? Излагая судьбу Венеции и ее путь «от экономического гиганта до музея», Аджемоглу и Робинсон пытаются найти объяснение тому, чего, вероятно, не было (экономическому спаду, начиная с XIV в.), и не замечают того, что, несомненно, было (смещение основных торговых путей в обход Восточного Средиземноморья).

«Дрейф институтов»

Мы не знаем, как звали китайских изобретателей печатного станка и компаса, но, вероятно, каждый школьник слышал фамилии Гутенберг и Уатт. С чем это связано? Ответ можно найти в письме Джеймса Уатта к отцу, которое цитируют Аджемоглу и Робинсон. Уатт делится с отцом радостной новостью: после долгих прений английский парламент даровал ему и его представителям право на исключительное распространение в Великобритании и ее колониях паровых машин, и он рассчитывает получить изрядную прибыль, поскольку «уже сейчас на них большой спрос» (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 104*). Как предприниматель Уатт вкладывал силы и средства в свое изобретение, потому что ожидал интереса со стороны других коммерсантов и надеялся на защиту государства от нечестных конкурентов. Платежеспособный спрос и защита авторских прав были важнейшими предпосылками промышленного переворота. Очевидно, что в стране, где эти условия отсутствовали, например, в Китае, у Уатта не было шансов разбогатеть на своих машинах. Также очевидно, что по этой причине промышленный переворот в Англии не был случайностью (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 103*). Не очевидно, однако, почему данные условия сложились именно в Англии. Было становление инклюзивных институтов в этой стране случайностью или закономерностью?

На этот вопрос Аджемоглу и Робинсон дают два ответа: да и нет. Ответ «да» связывает «уникальные», по определению авторов, политические институты Великобритании накануне промышленного переворота со Славной революцией 1688 г., ограничившей абсолютную власть монарха и элиты и передавшей в компетенцию избираемого гражданами органа (парламента) принятие ключевых политических решений. По мнению Аджемоглу и Робинсона, Славная революция была основой «формирования плюралистического общества и ... создала первый в истории комплекс инклюзивных политических институтов» (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 102*). Так как это случилось в Англии, логично, что и экономический подъем, невозможный без таких институтов, произошел в этой стране, а не в

каком-либо ином государстве. Ответ «нет» можно разделить на две части: 1) путь к Славной революции был не линейным, а полным случайных событий и «небольших изменений» (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 110*); 2) система, установленная в результате революции, вполне могла измениться, если бы в XVIII в. победили сторонники династии Стюартов или же в результате иных труднопредсказуемых событий (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 310*). Характерно, что раздел книги о предпосылках промышленного переворота называется «Случайный путь истории».

На эту проблему обращает внимание в своей рецензии Даймонд. Он замечает, что хотя авторы открыто об этом не говорят, из их концепции следует, что: «хорошие институты» возникают случайно, в зависимости от непрогнозируемых решений отдельных личностей (*Diamond, 2012a*). В своем ответе на рецензию Даймонда Аджемоглу и Робинсон оспаривают этот вывод и подчеркивают, что «разнообразие институтов в современном мире во многом является системным следствием исторических процессов, которые ... объясняют, почему Европа, Соединенные Штаты и Австралия богаче Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки» (*Acemoglu, Robinson, 2012b*).

Попробуем разобраться, обоснован ли вывод Даймонда.

К числу исторических процессов, объясняющих, по словам авторов, их концепцию, относится развитие трансатлантической торговли в XV–XVIII вв. Как известно, Англия не сразу в нее включилась. На пути в Америку у английских мореплавателей XVI в. был могущественный конкурент – Испания. Как же случилось, что через сто лет лидерство в Атлантике перешло к англичанам? Волею случая, отвечают рационалисты Аджемоглу и Робинсон (английские протестанты сказали бы «волею Провидения»): посланная Филиппом II для завоевания Англии и установления монополии в Атлантическом океане Армада из-за непогоды и ошибок командования потеряла большинство судов и не справилась с поставленной задачей, и англичане почувствовали, что ветер Атлантики подул в их паруса. Аджемоглу и Робинсон считают, что значение этой «неожиданной победы» нельзя недооценить: без нее не было бы политической трансформации, создавшей плюралистические инклюзивные институты, а следовательно, и промышленного переворота. Можно

усилить тезис авторов: и всего современного Запада не было бы без поражения испанской Армады.

Какова точка зрения Даймонда на этот вопрос? Не подвергая сомнению значение «хороших институтов», таких как, например, защита прав собственности и контрактного права, для экономического развития в принципе, Даймонд полагает, что авторы книги не объясняют, почему во многих странах такие институты не могли появиться. Нет ничего удивительного, что современные западноевропейские страны, в которых такие институты насчитывают долгую историю, богаче тропических африканских стран. По мнению Даймонда, самым важным фактором, влияющим на формирование «хороших институтов», является существование государства. Без государства возникновение институтов, стимулирующих экономическое развитие, невозможно. Более того, институты могут появиться, только если государство в данной стране существует *достаточно продолжительный период*. Наивно полагать, что установление централизованных политических структур в один миг, как по мановению волшебной лампочки, изменит уклад жизни и образ мышления людей, привыкших к племенным или иным архаичным формам политической организации. Различие в длительности существования государства в разных странах существенно влияет на вероятность появления в них институтов, способствующих устойчивому экономическому росту (Diamond, 2012a). Даймонд иллюстрирует свой тезис сравнением Ганы и Южной Кореи: полвека назад эти страны были примерно одинаково бедными, но Южная Корея смогла вырваться вперед, прежде всего потому что обладала намного длительной историей централизованного государства, чем Гана.

Впрочем, Аджемоглу и Робинсон также признают необходимость государства для появления институтов — как инклюзивных, так и экстрактивных (Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 75). Однако они не указывают, каким должен быть временной лаг между возникновением государства и появлением институтов. По-видимому, это связано со скептическим отношением авторов книги к географическому и культурному детерминизму, что приводит к сомнению в возможности логичного объяснения появления государства. Так, размышляя над вопросом, почему реформа централизации полу-

чилась у африканского народа бушонг, а не у их соседей леле (оба проживают на территории Конго), авторы считают наиболее вероятным объяснением упомянутую «случайную природу истории»¹⁷.

Однако признание ограниченности знаний о прошлом и вера в случайность эпохальных событий — плохая реклама для книги по экономике развития, рассчитанной на интерес широкой публики. Поэтому сделанные мимоходом замечания о непредсказуемости истории не мешают Аджемоглу и Робинсону настаивать на верности собственной концепции, которая должна объяснить, почему промышленный переворот произошел именно в Англии. Богатство этой страны, полагают авторы, стало результатом долгосрочного «дрейфа институтов» (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 209*). По аналогии с «дрейфом генов» (термин из области молекулярной биологии, обозначающий процесс случайной вариации генов в популяции) данное понятие обобщает долгосрочные тенденции, ведущие к образованию характерных для той или иной страны институтов. В истории, как и в эволюции организмов, невозможно предсказать, как и когда происходят сдвиги, меняющие вектор развития институтов, но «предыстория», т.е. те или иные предшествующие события, делает определенный исход более или менее вероятным. Так, по мнению авторов книги, страшная эпидемия чумы, разразившаяся в XIV в., положила начало водоразделу между Западной и Восточной Европой: если в Западной Европе после чумы начался процесс разложения феодализма, то в Восточной Европе, напротив, возникли предпосылки «второго издания крепостного права». С одной стороны, такие разные эффекты эпидемии в ретроспективе кажутся естественными, поскольку в Западной Европе в отличие от Восточной у крестьян еще до вспышки чумы было больше автономии, и после резкого демографического спада эта автономия усилилась. С другой стороны, чума, как любое стихийное бедствие, не зависит от воли и действий людей и является случайным по отношению к общественному развитию событием. Такие «полуслучайные» события происходили не раз в истории Европы и наложили отпечаток на институциональный контур отдельных стран континента.

17. С точки зрения Аджемоглу и Робинсона, в истории нет предопределенности и немалую роль играет «удача» (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 364, 427*).

Сам феодализм также явился результатом взаимодействия непрогнозируемых и исторически предопределенных процессов. Аджемоглу и Робинсон ведут начало феодализма с распада Римской империи и возникновения варварских государств. Хотя экономисты и подчеркивают, что нельзя проводить прямую связь между древнеримскими институтами и политической системой Англии накануне промышленного переворота, они ясно дают понять, что без Римской империи современной экономики могло бы и не быть (Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 158). Традиция парламентаризма, одна из предпосылок появления в Англии инклюзивных институтов, включает в себя элементы римского права. Признавая влияние римских политических институтов на историю европейских стран, Аджемоглу и Робинсон не рассматривают географические особенности, способствовавшие положительной обратной связи в экономическом развитии Европы после распада Римской империи: наличие водных (Средиземное море) и сухопутных (Альпы, Балканы и Пиренеи) барьеров не сдерживало, а, напротив, стимулировало развитие отдельных регионов Западной и Центральной Европы, которые, как верно замечает Даймонд, постоянно были в тесном контакте, но никогда после распада Римской империи не находились под полным контролем одной державы¹⁸. Пресловутая раздробленность Италии периода XIII–XVI вв., в которой Макиавелли видел причину слабости своей родины, во многом определила расцвет науки и искусства эпохи Возрождения, а раздробленность или, вернее, самостоятельность европейских государств раннего Нового времени имела ключевое значение для успеха европейской колониальной экспансии. Но логичное следствие признания важности предыстории инклюзивных институтов – признание роли географического фактора. Если каждое из таких событий, как становление и распад Римской империи, возникновение феодализма, чума и ее последствия, в той или иной степени повлияло на траек-

18. «Географические барьеры в Европе были достаточно серьезными, чтобы помешать политическому объединению, но достаточно преодолимыми, чтобы не мешать распространению идей и технологий. В отличие от Китая история Европы не знала деспотов, способных единым решением прервать развитие какой-то отрасли технологии на всей ее территории» (Даймонд, 2010а. С. 624). Аналогичного взгляда на причины лидерства Запада придерживается Дэвид Лэндес, который подчеркивает значение военной конкуренции между европейскими державами и постоянного потока эмигрантов между ними (см.: Landes, 1998).

торию европейского пути развития, то начало промышленного переворота в европейской стране оказывается более вероятным, чем в азиатской, африканской или американской. Таким образом, траектория западноевропейского развития, начиная с XIV в., не вела непосредственно к промышленному перевороту, но готовила благоприятные условия и делала его более вероятным в Европе, чем где бы то ни было еще.

На роль географического фактора косвенно указывают и сами авторы, развивая тезис о «расхождении» между Западной Европой и Восточной. Несмотря на то, что Аджемоглу и Робинсон отвергают теорию Даймонда как «бесполезную» для объяснения истоков процветания отдельных государств (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 54*), они также отмечают своеобразие исторического развития европейских стран после распада Римской империи и положительный эффект колеи — не только отсутствие центра силы, контролирующего весь континент, но и последовательное развитие институтов народного представительства (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 180*). Дело не сводится к физической географии¹⁹; на экономическое развитие влияет и культурная география — происходившие на протяжении веков изменения в населявших данный регион обществах. Как и физическая среда, культурный ландшафт в значительной мере влияет на вероятность того или иного события. Так, в XVIII в. у англичанина, родившегося вдали от моря, было больше шансов стать участником морской экспедиции, чем у его китайского современника, появившегося на свет в приморском городе. Если учесть, что такие институты, как патент, формируются на протяжении веков и тысячелетий и их «предыстория» насчитывает ряд промежуточных форм защиты прав собственности, то вероятность возникновения патентного права в стране с более длительной правовой историей выше, чем в любой другой стране, с первой культурно не связанной.

Таким образом, понятие «дрейф институтов», т.е. взаимодействие случайных событий и локальных особенностей политиче-

19. Так, по мнению Даймонда, смещение центра экономического развития с Ближнего Востока в Западную Европу было обусловлено процессом эрозии почвы и заливания речных долин, вызванного человеческой деятельностью. Растительный покров в этом регионе исчез за нескольких тысячелетий интенсивного сельского хозяйства и из-за низкого по сравнению с Северной Европой годового количества осадков не смог восстановиться (*Даймонд, 2010а. С. 616*).

ской организации, отражает постепенное обособление регионов, вследствие которого определенная траектория развития более вероятна в данном конкретном регионе.

Очевидно, что ничего нового в этом утверждении не содержится. Достаточно вспомнить «проблему Нидэма»: почему экспериментальная естественная наука возникла в Европе, а не в Индии или Китае? Практически каждый исследователь, пытавшийся ответить на этот вопрос, не прибегая к роли случая, рассматривал развитие Европы и азиатских цивилизаций в многовековой перспективе и предлагал разные точки начала расхождения между Западом и Востоком в зависимости от того, какой фактор или институт считался в этом процессе ключевым. Научная ценность поисков такой точки отсчета «великого расхождения» (Great Divergence) стремится к нулю, поскольку из-за ненадежности и ограниченности письменных источников по древнему миру точная реконструкция истории того или иного института невозможна. Более того, сама идея «великого расхождения» основана на ложном допущении культурной близости Китая и Европы, хотя эти регионы еще с палеолита развивались независимо друг от друга. Для понимания специфики европейских институтов полезнее выявить конкретные структурные различия между Китаем и Западной Европой в преддверии промышленного переворота. Так, авторы многотомного издания «Наука и цивилизация в Китае» («Science and Civilisation in China») обращают внимание на низкий уровень развития кредитования бизнеса в средневековом Китае и связывают это с более фундаментальными институциональными особенностями: «Неразвитость кредита, безусловно, была связана с отсутствием строгой системы торгового права. Но в традиционном китайском обществе вряд ли можно было принять соответствующие законы по европейскому образцу. Чтобы обеспечить их соблюдение независимой системой судебной власти, китайцам пришлось бы принять идею абсолютности прав собственности, противоречащую их общественным ценностям и принципам социальной организации. На этих ценностях и принципах держалась политическая структура традиционного Китая, в основе которой лежало убеждение в приоритете общественного благополучия над частными интересами. Отказ от этой идеи привел бы к полному распаду бюрократи-

ческой администрации обширной империи» (*Needham, Harbsmeier, 2005. P. 57*). Таким образом, структурные особенности Китая препятствовали развитию прав на интеллектуальную собственность, сыгравших ключевую роль в европейской индустриализации. Тесно связана с этой особенностью была неразвитость денежной экономики, поскольку, как указывают авторы сборника, государство в Китае было недостаточно эффективным, чтобы перераспределять излишек аграрной продукции в современные секторы экономики, но достаточно сильным, чтобы мешать заниматься этим частным лицам (*Needham, Harbsmeier, 2005. P. 55*).

В отличие от Китая и Римской империи в европейских империях Нового времени экспансия осуществлялась по инициативе «снизу», когда частные лица либо самостоятельно (как правило, в партнерстве со своими земляками) брались за исследование малоизвестных земель, либо предлагали правителям спонсировать их рискованные и дорогостоящие географические путешествия в обмен на «принесение» открытых территорий под власть своих покровителей. Такой способ колониальной экспансии напоминает распространение финикийских, греческих, скандинавских и полинезийских поселений с поправкой на значительно более тесный их контакт с метрополиями. Укрепление контактов с метрополиями, притом находящихся порой на другом полушарии, стало возможным благодаря, во-первых, прогрессу в кораблестроении и, во-вторых, принципиально иной системе торговли в Западной Европе накануне колониальной экспансии XV–XVI вв. по сравнению с какой-либо прежде существовавшей цивилизацией. Торговля между различными регионами Западной Европы в период позднего средневековья была основана на развитой системе кредитно-денежных отношений, которая возникла и поддерживалась, по-видимому, уникальным дисбалансом сравнительно более развитых в промышленном отношении, но более слабых политически областей (в первую очередь речь идет о североитальянских городах, находившихся в период их становления под властью немецких королей) и сравнительно сильных политически, но промышленно отсталых территорий (в XII в. таковыми были, например, Англия и Польша). Уникальность этой системы индустриального диспаритета состоит в том, что экономически развитые регионы, находясь в одном культурном

ареале со своими более мощными «клиентами», не были ими покорены. Здесь нужно внести важную поправку: не были покорены в средние века. Судьба «пионеров» экономического развития средневековой Европы — североитальянских государств — в новое время подтверждает гипотезу, что подчинение экономически сильного региона более сильным политически регионом пагубно сказывается на промышленном развитии первого. Все крупные североитальянские города средневековья, за исключением Венеции и Генуи, были в XVI в. подчинены испанскими королями, династическими преемниками императоров Священной Римской империи в Италии, и этот рубеж в их политической истории является фактическим началом стремительной деградации этого некогда самого развитого региона католической Европы. Так, Флоренция, финансовый центр Италии XIV—XV вв., в середине XVI в. прекратила существование как республика и стала зависимым от Испании княжеством. После наступившего в XVI в. спада город в течение всего Нового времени не смог восстановиться. Впрочем, примеры такого негативного эффекта от потери политической самостоятельности для экономической динамики регионов можно найти и в средние века, когда одни города подчиняли другие, тем самым, пользуясь современным языком, «устраняя конкурентов» (Пиза, Сиена). Напротив, сохранение в противостоянии с сильным соседом относительной (пусть и юридически неполной) независимости благоприятно сказывалось на экономической динамике промышленно развитых областей (Швейцария). Иными словами, залогом первоначального устойчивого роста западноевропейской экономики был спрос экономически неразвитых областей на товары промышленного производства при сохранении относительной политической независимости производителей и поставщиков этих товаров и сравнительно высоком уровне транспортного сообщения между разными, в том числе удаленными, регионами. В позднее Средневековье коммерция стала престижной сферой деятельности, своего рода третьей властью — после государства и церкви.

Наиболее заметно влияние римского наследия на развитие западноевропейских систем права при сравнении с правовой культурой исламских стран, находившихся в средние века в довольно тесном контакте с Европой. К фундаментальным понятиям за-

падноевропейского права относится «юридическое лицо», связанное с римским термином «корпорация». Для исламского права, напротив, характерно «отсутствие идеи законных групп интересов (независимо от семьи и рода), которые требуют признания своих законных прав» (Huff, 2003. P. 139; см. также *Ruthven*, 1991. P. 167). В отличие от средневековых боевых отрядов, которые держались на авторитете вождя, корпорации создаются для получения взаимной выгоды их членов, причем основной целью корпорации является защита собственности ее членов и решение имущественных конфликтов *ненасильственным путем*. И средневековый город, и швейцарские кантоны, и (в новое время) республики были построены по принципу «сообщества клятвы». Важнейшая особенность европейских средневековых корпораций состояла в способности выигрывать ненасильственным путем конфликты с представителями власти — феодалами и чиновниками. Корпорации также могли создавать коалиции с другими корпорациями и феодалами для лоббирования своих интересов (например, для получения торговых привилегий) в переговорах с верховной властью. Именно создание широких коалиций, объединяющих представителей разных групп, является, по мнению Асемоглу и Робинсона, необходимым звеном процесса формирования инклюзивных институтов (*Acemoglu, Robinson*, 2012a. P. 458). По мнению Первеза Хоодбхой, отсутствие автономных городов и гильдий в числе других факторов сделало невозможным победу капитализма в исламских государствах (*Hoodbhoj*, 1991. P. 129).

Стремительное распространение книгопечатания в Европе в XV—XVI вв. «снизу» и провал попыток внедрить печатный станок «сверху» в России, Турции, Персии и других государствах указывают на два важных отличия Европы от остального мира еще до начала активной колониальной экспансии: 1) инновационное предпринимательство было привлекательным для инвесторов в силу расширения конкурентной экономики, защищенной развитой системой контрактного права; 2) теоретическое знание, бывшее как в Европе, так и в Азии преимущественно в сфере компетенции религиозных институций, не сдерживало развитие практического, научно-технического знания. В Европе даже папы и епископы активно поощряли филологические и философские штудии гуманистов, ко-

торые, в свою очередь, создали условия для атаки немецких теологов на примат папства, подорвавшую авторитет римского епископа (Hankins, 2003. P. 470). Напротив, за пределами Западной Европы инструменты распространения информации внедрялись медленно и встречали недоверие властей (Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 215). Отсутствие или ограниченное число издательств мешало повысить общий уровень грамотности, что негативно сказывалось на развитии предпринимательства. В связи с конкуренцией как движущей силой совершенствования техники следует также упомянуть переоценку «труда» как важного элемента нравственной жизни, что нашло выражение в популярной в Англии XVII в. идее «трудолюбия» («industriousness») (De Vries, 2008).

«Дрейф институтов», как его описывают Аджемоглу и Робинсон, создает впечатление, что только от внутренней логики развития стран зависит, добьются они успеха в модернизации или нет. С точки зрения данных авторов, внешние по отношению к политике факторы, к которым они относят культуру и географию, не могут объяснить причины богатства и бедности государств. Альтернативную концепцию трансконтинентальной диффузии знаний и технологий авторы отвергают, используя весьма странный аргумент: отсталость африканских народов обусловлена не географическими барьерами между Тропической Африкой и Евразией, а иными причинами, поскольку на момент первых контактов африканцев с португальцами, у которых они могли бы перенять ценные знания, разница в доходах африканских и европейских стран была меньше, чем сейчас (Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 53f)²⁰. Следует также отметить, что приводимое авторами в качестве опровержения географического детерминизма объяснение отсталости Перу от Испании неубедительно, поскольку полностью игнорирует колониальный период в истории Южной Америки. Критикуя тезис Даймонда о значении более долгой по сравнению с Америкой истории земледелия в Евразии, Аджемоглу и Робинсон считают, будто отсюда следует, что «как только новые виды растений и технологии попали к инкам, они должны были быстро сравняться с испанцами по уровню благосостояния» (Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 52). Искажение тезиса

20. Авторы не упоминают общепризнанный в современной науке факт, что колониальная эксплуатация Африки была одной из причин обогащения европейцев (см.: Beckert, 2014).

Даймонда налицо: согласно его концепции, такой сценарий был бы возможен, если бы империя инков сохранила свою независимость. Более того, одно из преимуществ Европы состояло в том, что культурный обмен в ней сочетался с конкуренцией между независимыми областями и странами (Даймонд, 2010а. С. 443). Очевидно, что культурная диффузия, т.е. трансфер знаний, идей и технологий между странами, и завоевание государства для эксплуатации его ресурсов и населения — принципиально разные явления. Но Аджемоглу и Робинсон интерпретируют тезис Даймонда так, будто это различие не имеет значения. Однако на примере Японии видно, что если технологии попадают в отсталую страну, сохранившую при этом независимость, у нее есть неплохие шансы наверстать упущенное и преодолеть отставание от передовых государств. Империя инков представляет собой прямо противоположный случай, о чем сами Аджемоглу и Робинсон, между прочим, говорят в другой главе: как здесь справедливо замечено, изначальная причина успеха Северной Америки и Австралии состояла в том, что там в отличие от Южной Америки европейцы не образовали экстрактивные институты для добычи полезных ископаемых и не эксплуатировали коренное население (Acemoglu, Robinson, 2012а. Р. 299). Более того, анализируя пагубное влияние британских колониалистов на развитие африканских и азиатских стран, в частности, Индии, авторы приходят к выводу, что экономическое развитие одних стран может быть тормозом развития других и даже стимулировать усиление в них экстрактивных институтов. Странно, что авторы недооценивают значение такого рода факторов для развития южноамериканских государств. Ведь именно принесенные европейцами или перенятые ими у прежних американских правителей репрессивные институты стали, вероятно, главным препятствием для последовательного развития инклюзивных институтов в Южной Америке, что, естественно, сказалось на социально-экономических показателях стран континента.

Как сменить формат развития?

Если формирование инклюзивных институтов, по мнению Аджемоглу и Робинсона, обусловлено случайностями, то еще труднее предсказать, какая страна сможет вырваться из «порочного круга» экстрактивных институтов и, главное, удержаться на демократическом пути развития. Хотя сами авторы, как указывалось выше, считают, что важнейшее средство от олигархизации незрелой демократии — активность широкой коалиции представителей разных партий и слоев населения, примеры стран, которые приводятся в книге, заставляют усомниться в верности этого тезиса.

Рассмотрим два примера удачных и неудачных реформ, которые анализируют Аджемоглу и Робинсон: Япония и Аргентина. Авторы замечают, что эти страны представляют собой исключения из принятой в экономике классификации и приводят слова Саймона Кузнецца: «Есть четыре типа стран: развитые, неразвитые, Аргентина и Япония» (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 384*). В XIX в. обе страны не были в авангарде экономического развития, но за несколько десятилетий смогли сократить отставание от наиболее богатых европейских держав и США. Их дальнейшие перспективы были весьма хорошими. Однако через сто лет ситуация изменилась: если Япония вышла в лидеры промышленного производства и стала символом страны-инноватора, то уровень благосостояния в Аргентине упал, а страна несколько десятилетий подряд находилась в кризисе. Аджемоглу и Робинсон объясняют это различия, исходя из противопоставления: в Японии после Реставрации Мэйдзи 1868 г., по их мнению, сложилась устойчивая система инклюзивных институтов, тогда как Аргентина в тот же период скатилась к господству экстрактивных. Иными словами, некогда авторитарной Японии удалось выйти из порочного круга, а Аргентине — нет. Однако авторы полностью игнорируют историю Японии до Реставрации Мэйдзи — факт, который бросается в глаза при сравнении с тем, как подробно они рассматривают историю Англии до Славной революции. Получается, что Япония просто более удачно перенесла на свою почву передовые европейские институты и технологии. Почему то

же самое не получилось у многих других режимов с экстрактивными институтами, остается неясным, между тем даже несколько слов о «предыстории» японских реформ помогли бы объяснить их успех. Во-первых, Япония ни разу за последние несколько столетий не подвергалась завоеванию, в отличие, например, от Индии и Китая. Во-вторых, в Японии была очень высокая степень централизации и довольно высокая эффективность государственного аппарата, что показывает Даймонд на примере успешного регулирования лесных ресурсов в эпоху Токугава (*Даймонд*, 2010b. С. 411–421). В-третьих, придерживаясь политики изоляции, Япония смогла избежать колонизации и массового импорта зарубежных товаров, которые подрывали ростки промышленности в индустриально неразвитых странах. Наконец, говоря об истории Японии в XX в., нельзя не учитывать противостояние капиталистической и коммунистической систем, усилившееся после Второй мировой войны. Так как эта страна занимала ключевую позицию рядом с СССР, Китаем и Северной Кореей, Запад, в особенности США, приложил много усилий, чтобы сделать из нее форпост капиталистической системы. Достаточно упомянуть политические реформы и антимонопольное законодательство, которые были проведены американскими оккупационными властями. Без поддержки США быстрое экономическое восстановление послевоенной Японии было бы невозможно. Таким образом, пример Японии не вносит ясности в проблему трансформации экстрактивных институтов в инклюзивные.

Если при разборе японского опыта модернизации авторы обошли стороной ряд важнейших обстоятельств, то рассуждая о проблемах Аргентины, они вообще исказили факты, охарактеризовав ее как государство с экстрактивными институтами. Превознося японские политические реформы, они не упоминают значительно более прогрессивный аргентинский закон о всеобщем избирательном праве 1912 г. (в Японии до 1947 г. большая часть населения из-за имущественного ценза не могла участвовать в выборах) и приходят к абсурдному, в рамках их же концепции, выводу, что несмотря на демократию аргентинские институты были далеко не инклюзивными. В действительности сравнительная история модернизации в азиатских и латиноамериканских странах может служить опровержением тезиса о значительной корреляции между инклюзивными

институтами и продолжительным экономическим ростом. Попытки демократизации и активность широких масс в Аргентине не изменили тяжелую экономическую ситуацию.

Кроме Японии можно также вспомнить и Китай, Южную Корею, Сингапур, а в Южной Америке — Чили. Правомерно утверждать, что в этих странах интенсивная индустриализация происходила и происходит не благодаря устойчивым инклюзивным институтам, а несмотря на их неразвитость или отсутствие. Напротив, в Аргентине, Бразилии и Уругвае довольно долгое существование демократических институтов не сопровождается продолжительным технологическим ростом и процветанием населения. Из этих примеров следует, что смена формата политического развития не во всех случаях ведет к смене вектора экономического развития.

ВЫВОДЫ

Историю европейской экспансии, заложившей основы глобальной экономики и современного неравенства, можно резюмировать строками Евангелия: «кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Мф. 13:12). И Даймонд, и его оппоненты Аджемоглу и Робинсон сходятся в том, что в эпоху Великих географических открытий европейцы приумножили имевшиеся у них преимущества перед жителями других континентов и смогли использовать добытые в ходе колонизации ресурсы для развития современной промышленности. К концу этой эпохи более богатые европейские народы стали еще более богатыми, а отставшие от них в техническом отношении и, соответственно, бедные народы — еще беднее. Однако Даймонд и его критики придерживаются разных взглядов на причины этих преимуществ. Если для него решающее значение в этом отношении имеет ранний переход к земледелию и условия среды обитания, благоприятные для развития сельского хозяйства и культурных связей, то Аджемоглу и Робинсон убеждены, что важнейшим залогом успеха западных стран были политические институты. Читателю важно понять, исключают или дополняют такие позиции друг друга.

Согласно Даймонду, институты объясняют приблизительно половину различий в уровне богатстве между странами мира, а другую половину можно объяснить влиянием географии. Что касается причинно-следственной связи, то, судя по рецензии Даймонда на книгу «Why nations fail», он признает большое значение институтов для экономического успеха государств, но считает, что без благоприятной среды обитания институты, способствующие устойчивому экономическому росту, либо развивались бы очень медленно, либо не развились бы вовсе (*Diamond, 2012a*). В книге «Ружья, микробы и сталь» ученый выражает эту точку зрения в более категоричной форме: «Государства, сегодня впервые обретающие статус влиятельных держав, по-прежнему представляют либо регионы, тысячи лет включенные в орбиту влияния первых аграрных центров, либо регионы, вновь заселенные выходцами из этих центров.

... Курс, взятый историей 8000 лет назад, по-прежнему диктует нам путь» (Даймонд, 2010а. С. 626). Основной аргумент Аджемоглу и Робинсона против тезиса о приоритете географии состоит в том, что страны, которым экология не помешала достичь сравнительно высокого уровня развития, по прошествии определенного времени уступают странам с демократическими институтами не из-за изменения среды обитания, а из-за принципиальной невозможности поддерживать экономический рост без инклюзивных институтов. Однако, как мы показали на примере оценок авторами кризисов цивилизации майя, Римской империи и Венецианской республики, Аджемоглу и Робинсон вольно обращаются с фактами и просто не замечают альтернативные гипотезы, которые противоречат этому аргументу.

Из ответа Аджемоглу и Робинсона на рецензию Даймонда также следует, что они считают, будто их институционалистская трактовка истории экономического развития скорее исключает, чем дополняет, «географическую гипотезу»: «Хотя временами география и экология болезней и влияла на процесс развития институтов ... в современном мире эти факторы не играют основную роль в формировании разнообразия институтов» (Acemoglu, Robinson, 2012b). Основным же фактором возникновения современных институтов авторы считают их «дрейф». Однако, как мы показали выше, с точки зрения исторической науки это мнимое объяснение, так как понятие «дрейф институтов» (термин, введенный авторами, чтобы избежать вывода о случайности появления институтов) идентично широко известному представлению о случайности исторического развития вследствие взаимодействия различных невычислимых факторов.

Тем не менее, акцент на роли институтов, вероятно, довольно хорошо согласуется с фактами, относящимися к индустриальному этапу экономической истории. Возможно, в переходе государств к промышленному производству институты действительно представляют собой более важное условие развития, чем среда обитания. Во всяком случае, различия между западноевропейскими странами уже после начала колониальной экспансии трудно объяснить, апеллируя к географии как основному фактору. В этом отношении особое значение имеют долгосрочные результаты кон-

фликтов между монархией и институтами представительства. Так, поражение сил, поддерживавших испанский парламент — кортесы — в борьбе с королем и дворянством, по-видимому, негативно повлияло на развитие класса купцов и предпринимателей, которые могли бы успешно противостоять английским и голландским конкурентам (*Acemoglu, Robinson, 2012a. P. 221*). Институты, вероятно, играли бóльшую роль в переходе эстафеты первенства в международной торговле от Испании и Португалии к Англии и Голландии, но меньшую — при переходе этой же эстафеты от Голландии к Англии.

Ограниченность географического детерминизма косвенно признает и сам Даймонд в приведенной выше цитате. Отмечая, что успех государства зависит, в том числе, и от выходцев из более развитых регионов, он указывает на значение менталитета жителей, т.е. на культуру, а культуру можно сознательно менять, например, с помощью государственной политики. Примеры изменения государством культурных установок по отношению к окружающей среде приводятся в книге «Коллапс». Учитывая стремительный прогресс в сфере транспорта и в коммуникациях, можно предположить, что знания, навыки и культурные установки будут все быстрее проникать в менее развитые страны, снижая влияние особенностей окружающей среды. Но в отличие от Аджемоглу и Робинсона автор «Коллапса» не настаивает на монокаузальном подходе к объяснению судьбы всех человеческих обществ и допускает значительную роль иных факторов, кроме географии и экологии.

Подводя итоги, еще раз выделим наиболее уязвимые стороны книги «Why nations fail» и укажем на обоснованность критических замечаний Джареда Даймонда:

1) для обоснования своей концепции Аджемоглу и Робинсон используют примеры из истории и археологии, которые в большинстве случаев допускают иные объяснения, ставящие под сомнение или опровергающие основной постулат авторов;

2) в ряде случаев (например, при анализе изменения политического строя Древнего Рима) авторы смешивают причину и следствие;

3) авторы непоследовательны в оценке причин важнейших процессов социально-экономического развития — так, в раз-

ных главах их книги встречаются противоположные трактовки влияния европейской колониальной экспансии на политическое развитие колоний;

4) авторы произвольно и не всегда точно излагают факты и результаты исследований по анализируемым темам;

5) определения центральных понятий книги — экстрактивные и инклюзивные институты — недостаточно четкие и приводят к размытым градациям («сравнительно инклюзивные» институты) и логическим нестыковкам, которые подрывают противопоставление «устойчивого» и «неустойчивого» экономического роста, а следовательно, и концепцию в целом;

6) критикуя гипотезу Даймонда о влиянии окружающей среды на экономическое развитие, авторы искажают его тезис и опровергают то, что в действительности из сказанного этим ученым не следует;

7) авторы настаивают на приоритете эндогенных факторов развития, игнорируя влияние более очевидных, но не связанных с политическими институтами, условий; критика их Даймондом в этом отношении справедлива;

8) авторы не обсуждают проблематичность применения категорий экономического анализа к племенным обществам и обществам с неразвитой политической централизацией; спорной ввиду ненадежности данных представляется попытка сравнить доходы инков и современных перуанцев. Даймонд также обращает внимание на принципиальные различия между тремя типами стран: с долгой историей государственности, с относительно короткой историей государственности и негосударственные организации людей;

9) в верности тезиса об устойчивом и продолжительном росте государств с инклюзивными институтами можно усомниться на основании кратковременности даже самого продолжительного «устойчивого» роста (в Великобритании) по сравнению с куда более продолжительным «неустойчивым» ростом таких государств с экстрактивными институтами, как Китай или Древний Египет; более того, даже в условиях современной динамичной экономики высоких технологий, которая служит, пожалуй, наиболее сильным аргументом в пользу тезиса о значении демократии для процвета-

ния государства, арабские петрократии на протяжении десятилетий успешно сохраняют экстрактивные политические институты;

10) поскольку авторы признают значительную роль случайных обстоятельств, определяющих изменение вектора развития и тем самым вероятность появления инклюзивных институтов, их концепция оказывается нефальсифицируемой, что противоречит их же утверждению о ее универсальности; неясно, насколько существенно действие инклюзивных политических институтов в обществе с экстрактивными экономическими институтами: согласно концепции Аджемоглу и Робинсона, они должны приводить к замене экстрактивных инклюзивными экономическими институтами, но авторы допускают возможность их распада вследствие «перевеса» первых. Таким образом, критика Даймондом предложенного Аджемоглу и Робинсоном объяснения возникновения благоприятных для экономического развития институтов также справедлива.

Все сказанное, повторим еще раз, не означает, что политические институты не важны для процветания народов. Но аргументы американских экономистов слишком уязвимы, чтобы признать их концепцию убедительной. Абсолютизация роли институтов и размытость основных используемых понятий приводит к тому, что Аджемоглу и Робинсон не учитывают общепринятые различия между древними и современными обществами, искажают альтернативные концепции и игнорируют факты, не укладывающиеся в их теорию. В итоге стремление доказать решающее значение одного фактора в судьбе всех человеческих обществ заставляет сомневаться в том, является ли он главным даже в современных обществах.

Литература

1. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. М.: АСТ.
2. *Бэкон Ф.* (1972). Сочинения: В 2 т. Сост., общая ред. и вступ. статья А.Л. Субботина. Т. 2. М.: Мысль.
3. *Даймонд Дж.* (2010а). Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ / Пер. с англ. М. Колопотина. М.: АСТ МОСКВА: CORPUS.
4. *Даймонд Дж.* (2010б). Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают / Пер. с англ. О. Жаден, А. Михайловой, И. Николаева. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат.
5. *Заостровцев А.П.* (2014). История по Асемоглу–Робинсону: институты, развитие и пределы авторитарного роста // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 32–43.
6. *Лукан Марк Анней* (1993). Фарсалия / Пер. с лат. Л.Е. Остроумова. Редакция, статья и комментарии Ф.А. Петровского. М.: Ладомир.
7. *Миронов Б.И.* (2014). Кто виноват: природа или институты? Географический фактор в истории России. Статья 1 // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 130–141.
8. *Acemoglu D.* (2003). The form of property rights: oligarchic vs. democratic societies // National Bureau of Economic Research Working Papers. Working paper 10037 (doi: 10.3386/w10037).
9. *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.* (2000). The colonial origins of comparative development: an empirical investigation // National Bureau of Economic Research Working Papers. Working Paper No. 7771 (doi: 10.3386/w7771).
10. *Acemoglu D., Naidu S., Restrepo P., Robinson J.* (2015). Democracy does cause growth // National Bureau of Economic Research Working Papers. Working Paper No. 20004 (doi: 10.3386/w20004).
11. *Acemoglu D., Robinson J.* (2012а). Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty. New York: Crown Business.

12. *Acemoglu D., Robinson J.* (2012b). Letter to the Editors in response to: What makes countries rich or poor? // *New York Review of Books*, August 16.
13. *Beckert S.* (2014). *Empire of Cotton: A Global History*. New York: Knopf.
14. *Bar-Yosef O.* (2012). From foraging to farming in Western and Eastern Asia // *Gepts P.* (Ed.), *Biodiversity in agriculture. Domestication, evolution, and sustainability*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 57–91.
15. *Capoccia G., Keleman D.R.* (2007). The study of critical junctures: theory, narrative, and counterfactuals in historical institutionalism // *World Politics*. Vol. 59. Issue 03. Pp. 341–369 (doi: 10.1017/S0043887100020852).
16. *De Vries J.* (2008). *The industrious revolution. Consumer behavior and the household economy, 1650 to the present*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. *Diamond J.* (2012a). What makes countries rich or poor? // *New York Review of Books*. June 7.
18. *Diamond J.* (2012b). Reply to the Letter to the Editors by Daron Acemoglu and James A. Robinson // *New York Review of Books*. August 16.
19. *Diamond J., Robinson J.A.* (Eds.) (2010). *Natural experiments of history*. Cambridge, Mass.: Belknap Press.
20. *Hankins J.* (2003). *Humanism and Platonism in the Italian Renaissance*. Vol. I: Humanism. Roma: Edizioni di storia e letteratura.
21. *Hoodbhoy P.* (1991). *Islam and science: Religious orthodoxy and the battle for rationality*. London: Zed Books.
22. *Huff T.E.* (2003). *The rise of early modern science: Islam, China and the West*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
23. *Landes D.* (1998). *Wealth and poverty of nations: why some are so rich and some are so poor*. New York: W. W. Norton and Company.
24. *Needham J., Harbsmeier C.* (2005). *Science and Civilisation in China*. Vol. 7: Social background. Part 2: General conclusions and reflections. Cambridge: Cambridge University Press.
25. *Olson M.* (1982). *The rise and decline of nations: Economic growth, stagflation, and social rigidities*. New Haven: Yale University Press.

26. *Plummer A.* (2005). *The London Weavers' Company 1600–1970*. London: Routledge.
27. *Ruthven M.* (1991). *Islam in the world*. Harmondsworth: Penguin.
28. *Schumpeter J.* (1942). *Capitalism, socialism and democracy*. New York: Harper & Brothers.
29. *Sella D.* (1994). *L'economia* // Cozzi G., Prodi P. (Eds.). *Storia di Venezia*. VI. Dal Rinascimento al Barocco. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana. Pp. 651–711.
30. *Sombart W.* (1913). *Krieg und Kapitalismus*. München: Duncker und Humblot.
31. *Turner II B.L., Sabloff J.A.* (2012). Classic Period collapse of the Central Maya Lowlands: Insights about human–environment relationships for sustainability // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 109. No. 35. Pp. 13908–13914 (doi: 10.1073/pnas.1210106109).

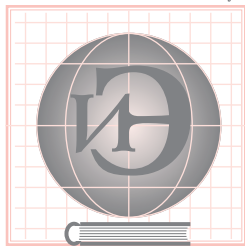
Арсланов Василий Викторович – Ph. D., младший научный сотрудник Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН.

Сфера научных интересов: история политической экономики

Адрес: 117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32.

E-mail: arslanov@gmail.com

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 04 72

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Арсланов В.В.

География, институты и истоки глобального неравенства:
критика концепции экономического развития
Аджемоглу и Робинсона

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Ерзнкян М.Д.*

Компьютерная верстка *Сухомлинов А.Р.*

Подписано в печать 2016. Заказ № 9

Тираж 300 экз. Объем 2,7 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0535-4

9 785994 005354